

Г. Гусейнов

Что такое гражданское общество?

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Guseinov_Tetr_53.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

Что такое гражданское общество?*

*Гасан Гусейнов,
доктор филологических наук,
профессор МГУ*

Какова основная трудность, как мне кажется, разговора об Энциклопедии гражданского общества в России? Разумеется, она связана не только с необходимостью нахождения общего языка. Позволю себе употребить в этой связи синонимически близкое выражение, пришедшее к нам с Запада, — «сверить часы». Нам нужно сверить часы. Мы можем говорить даже на разных языках, но должны примерно представлять, в какой точке находимся, если считаем, что на Западе есть некая модель гражданского общества, в котором есть разумное большинство, где жизнь построена по принципам человечности и т.д. Как сделать так, чтобы на нашу северную почву перевести некие универсальные правила? Я сейчас не оцениваю, я просто ставлю вопрос. И хочу сказать, что после лихих 90-х, как их называют, наступили нулевые годы, и вдруг стало ясно, что слово «гражданский» употребляется уже не совсем в том значении, в каком оно употреблялось в конце 80-х. Все чаще я встречаю в статьях и слышу, кстати, в том числе и во время нашей дискуссии, выражения «светское общество», «секуляризированное». А между тем, если помнишь, Лена, мысль о создании этой энциклопедии родилась, когда мы обсуждали три вопроса: кто мы, откуда и куда идем? Я хорошо помню этот разговор. Вернулся из ссылки Андрей Дмитриевич Сахаров. Ведь тогда нам и в голову не приходило, что «светское общество» начнет в какой-то момент вытеснять понятие гражданского общества. Но это ремарка — по ходу дискуссии, к которой я готовился и должен был говорить, как написано в программе, про три лингвистики и четыре культурных слоя, а сейчас

* Окончание публикации материалов круглого стола. См. предыдущие номера журнала: *Язык гражданского общества* (№ 51), *Поиск общего языка* (№ 52), а также в Интернете по адресу <http://msps.su>

попробую перестроиться и начну с такого сюжета.

Не так давно на чтениях памяти Сергея Аверинцева выступал заведующий редакцией издательства «Энциклопедия» и рассказывал, что в пятом томе «Философской энциклопедии» должна быть статья «Мао Цзэдун». Но потом стало понятно (это было в конце 60-х), что статью про Мао Цзэдуна писать не надо, и надо чем-то заполнить гигантский запланированный на статью объем. И тогда вставили Томаса Манна. И написать статью попросили Аверинцева и его близкого друга Александра Михайлова. Такова история происхождения этой прекрасной статьи. Однако в нашем случае опасность, я думаю, не в технических издержках, что в какой-то момент какое-то важное понятие придется заменить на другое или вообще исключить из словарного списка, а в драме, с которой мы сейчас сталкиваемся, это драма и экзистенциальная, и научная, и драма активистов. Она состоит в том, что исчезает адресат. Книга как событие, книга как руководство, книга как документ, которая всегда была точкой роста культуры в обществе, в ближайшие несколько лет, по моим ощущениям, вообще может перестать существовать. Тем более под названием «Энциклопедия». Как бы она ни выглядела, и какой бы интересной ни была. Сошлюсь на свой преподавательский опыт.

У меня есть три курса, три разные группы. Одна группа — студенты филологического факультета МГУ, которым я читаю античную литературу. Другая — в Высшей школе телевидения, там же в университете. И третье учебное заведение — Академия народного хозяйства, где мы занимаемся русским политическим языком, языком СМИ. Это три разные группы

молодых людей, которым сейчас от 16 до, примерно, 19 лет, фактически дети, у которых в голове есть какой-то набор образов, связанных с образованием. Так вот, для них учитель в школе — презираемый неудачник. Даже для тех, кто на самом деле так не думает, но под влиянием окружающей среды считает, что не может учитель за гроши таких, как он и его друзья, ничему научить. Академическая среда не готова к разговору с этим новым поколением.

Это тяжелейшая ситуация. Когда на отделении классической филологии студенту-первокурснику я не могу в течение двух недель внушить простую мысль, что ему недостаточно читать Википедию или какие-то статьи, даже очень хорошие, на английском языке на прекрасных сайтах американских университетов, посвященных античности. Что ему надо записаться в одну из прекрасных пяти библиотек в Москве, где он может найти многое. Ему это непонятно. Я сейчас не жалею, сам не люблю, когда жалуются и говорят: «Ах, какие необразованные студенты». Вопрос не в том, что они необразованны, а в том, что изменилась окружающая среда и понятие книги как культурного феномена просто растворяется на глазах. Тем более понятие энциклопедии.

Так что проблема существует. Насколько я понимаю, у нас установка на то, чтобы соединить дескриптивное с предписывающим, описывающее с предписывающим, которое всех объединяет. Чтобы следующее поколение, зная о «предписывающем», постаралось сделать страну лучше. А как быть людям, которые привыкли описывать? Я имею в виду научную среду. Или тех же учителей. Мы начали разговор о словах, но дело в том, что язык не состоит только из слов. Он состоит из предложений, а слова лишь форма упаковки языка. И

нас должна интересовать реальность, которая находится за словами. А точнее, гражданское общество, которое, на мой взгляд, не формируется из общественных классов, семей, из каких-то уличных компаний, из людей, которые живут в селе или в городе и волнуются только о том, как добыть хлеб насущный. То, из чего оно складывается, не выражается лишь физическими единицами человеческих тел, которые мы можем как-то пересчитать. Это как раз и есть та реальность, которой занимается Борис Дубин, и выявляется она в тот момент, когда ей задают вопрос, скажем, о собственности, о правах человека и т.д. Поэтому я согласен с Валентином Гефтером, что нам нужно не умножать количество слов, а наметить понятийные поля. А для установления этих полей спросить людей. Например, преподавателей средних учебных заведений и учителей школ, о которых сказал Сергей Магарил, в разных регионах России, какие проблемы они чаще всего между собой обсуждают, и если обсуждают, то чего им не хватает — аргументов, слов или еще чего-то. И тогда мы лучше поймем, кто может стать адресатом нашего проекта. Я думаю, что это как раз те люди, которым приходится по определению общаться с выпускниками школ, когда оказывается, что те не понимают, где они находятся, что им читать, почему это важно, а это не важно. «Почему ты Плутарха не прочитал?» — спросил я как-то первокурсника. — «У нас первенство по футболу!» И я его понимаю. Какой Плутарх, какая библиотека? В его школе главным был спорт, который рекламируют NIKE, ADIDAS и другие фирмы, продвигающие образ «успешных» людей. Не слу-

чайно, кстати, в том семантическом сдвиге, о котором я сказал в самом начале, исчезло слово «преуспевающий» и появилось слово «успешный». «Успешный проект», «успешное дело» вдруг переносится на человека, человек стал вещью! И вполне грамотные люди,

Важно быть как можно ближе к той реальности, которую мы хотим не только понять, но и формировать, и которая называется гражданским обществом

обращаясь к другим грамотным людям, говорят, что мы должны всех учить быть успешными, то есть быть вещами, процессами, а не людьми. Удивительная глухота к словам...

Так вот, наш адресат — это прежде всего учителя и преподаватели. А также, конечно, заинтересованные родители, которые хотят воспитывать своих детей гражданами, учить их разрешать конфликты, общаться и т.д. Поэтому имеет смысл специально поговорить на еще одном круглом столе в рамках обсуждения концепции проекта о понятийных полях. Так как мы уже знаем, что есть руководство проектом и есть стеной встающие не только дети, но и молодые люди, которые через 10 лет будут определять нашу жизнь.

И последний тезис, связанный с грехами бывшего советского языкознания. В чем этот грех состоит? Алексей Шмелев говорил, что надо изучать данность. Это великие слова, я полностью подписываюсь под ними, учитывая, что на протяжении десятилетий лингвисты не имели такой возможности, а именно — обсуждать публично, скажем, такую проблему, как язык начальства и низовой язык. Язык современного началь-

ства, а это тоже наша данность, изучать сегодня трудно не только потому, что не выработана соответствующая традиция. Дело в самой академической среде, представители которой не готовы рассказать хотя бы о том, почему наша власть так часто обращается к блатной лексике. Хотя очевидно, что это обычно язык угроз, а вовсе не язык, который просто механически воспроизводит низовой язык.

И возвращаясь к Энциклопедии: я все же сомневаюсь, что ее будут читать и тот инструментарий, который будет нами предложен с самыми лучшими намерениями, сработает. Понятно, что это мое сомнение носит рабочий характер, но, мне кажется, важно с самого начала относиться критически как с собственной работе, так и к социальной среде, частью которой мы тоже являемся. То есть быть как можно ближе к той реальности, которую мы хотим не только понять, но и формировать, и которая называется гражданским обществом.

Елена Немировская:

— Спасибо, Гасан. Будем верить, что хотя бы 10–12% учителей как-то заразятся и поймут все же значимость нашего проекта. Но я думаю, что нашим адресатом может быть и чиновник, вместе с переводчиком с иностранного языка. А иначе им будет трудно понять, почему нельзя при переводе Европейской хартии местного самоуправления термин «муниципальное образование» переводить на русский язык как «орган местного самоуправления». Что это принципиальная ошибка. И, следовательно, чтобы избежать таких ошибок, надо быть ближе к реальности. Тем более что мы имеем дело с таким предметом, как гражданское общество, который, как и любой гуманитарный предмет, нельзя ухватить

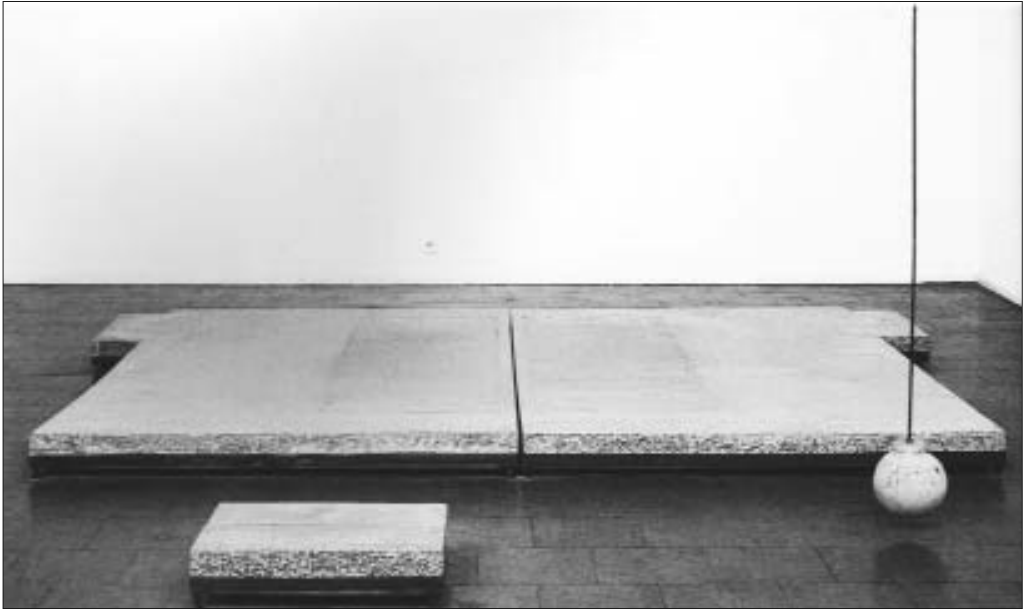
непосредственно. Для этого необходимо просвещение. И о нашем адресате. Здесь сидят люди, выпускники Школы, которые приехали даже из Томска, не говоря уже о Нижнем Новгороде, Волгограде, Ставрополе. Ведь они зачем-то приехали! Значит, адресат у нас уже есть.

Ирина Ивантина, старший научный сотрудник Института русского языка РАН:

— В том, что сказал Гасан, мне кажется, была одна не очень правильная мысль, несколько утопическая, о том, что надо узнать у людей, для каких смыслов им не хватает слов. Это абсолютно невозможно. Для того чтобы узнать, что есть некий смысл, для которого нет подходящего слова в русском языке, нужно обладать очень высокой степенью лингвистической рефлексии или хотя бы хорошим знанием иностранных языков. Не происходит так, что люди понимают, что смысл есть, а нужного слова нет, и придумывают слово.

Нодар Хананашвили:

— На мой взгляд, это хороший образ — «дети, встающие стеной». Я вспомнил в этой связи детскую площадку, о которой писал Рей Брэдбери. Там, где дети оказываются встающими стеной, всегда существует детская площадка, которую строят взрослые. И если мы не хотим, чтобы нас пугала реальность «встающих стеной», то должны понять, что это неосмысленная нами детская площадка, которую, повторяю, мы выстраиваем сами. Поэтому будут ли дети и молодые люди обращаться к книгам или пользоваться Интернетом, тоже зависит от нас. Как и то, какой инструментарий для общения мы предложим. И еще один важный момент, учитель — это не тот, кто учит, а тот, у кого учатся.

Мирослав Балка. Рампа. 1994

Эмиль Паин:

— Если бы руководители какой-нибудь школы пригласили наше экспертное сообщество принять участие в тендере и предложили выбрать компанию, которая покрасила бы школьные стены, то, я уверен, из этого ничего бы не вышло. Потому что мы начали бы обсуждать, как важно понимать, что такое тендер, что из себя представляет бригада, и, разумеется, никакого выбора не произошло бы. Разве речь идет о проекте коммерческом, который должен иметь миллионный успех? Тогда вообще ни о какой энциклопедии речи нет. Не надо придумывать реальность по Брэдбери. Тебе, Гасан, очень не повезло с учениками, я тебе сочувствую. Вот я преподаю в ВШЭ, причем не бухгалтерский учет, а антропологию. И оброс учениками, которые вместе со мной читают лекции, проводят семинары, подсказывают, какие вышли новые книги. Я просто счастлив! В этом проекте уже все задано, кто его заказчик, на кого он рассчитан. Вчера я был на обсуждении нацио-

нальной идеи Казахстана. Я позавидовал! Если бы такой документ появился в России! В нем говорится, что казахи нацелены на формирование именно гражданской, а не этнической нации, о толерантности как целевой установке и норме.

Гасан Гусейнов:

— Сначала отвечу Ирочке о том, что трудно найти слова. Конечно, речь идет не о том, что у нас есть трудности со словами, а о том, что в список терминов не нужно брать где-то хорошо работающие понятия и пытаться их искусственно пересадить. Теперь об учениках. Мне грех жаловаться, у меня есть прекрасные ученики. Из 200 человек в потоке всегда можно найти человек 30, которые прекрасно работают, сосредоточиться на них и забыть про остальных 170. Это нормально в узкопрофессиональном смысле слова. Но это не нормально, когда ты должен всю социальную среду, с которой работаешь, таким образом

дробить. Смысл гражданского общества не в том, чтобы в нем было только активное меньшинство, а остальным вообще не были нужны какие-то идеи. Мне кажется, если ориентироваться на это, мы обречены на создание каких-то конструкций на ложных основаниях. Чтобы этого избежать, нужно, по возможности, сосредоточиваться на проблемных, трудных местах, на действительно болевых точках, которые затрагивают интересы всего общества, а не его части.

Александр Согомонов:

— Хочу среагировать на прозвучавшие опасения. Во-первых, Энциклопедию будут читать. Христианский миссионер, который раздает Библию, как вы думаете, абсолютно убежден, что ее будут читать?.. Вот Женя Шамис сказала, что очень важно, чтобы Энциклопедия была в том числе и для детей, но кто из нас сможет для них написать? Сходите в Центр детской книги, это недалеко от Арбата, и посмотрите, какие сейчас издаются детские книжки. Они все переводные! Есть прекрасная переводная европейская литература, написанная в основном писательницами. Вроде бы читаешь детскую книжку, а книжка по-английски называется «How to be different». Как быть другим и при этом уважать инаковость другого? С картинками и с невероятной фантазией. И таких книг много. Для определенного контингента надо обладать особым писательским талантом, чтобы написать о том, о чем мы говорим. И по поводу адресата. Я думаю, адресат у нас есть, это люди, которых мы не знаем, но для которых это важно. Поэтому я поддерживаю проект и считаю, что Энциклопедия в первую очередь должна формироваться для аудитории «до востребования» в интернет-пространстве, так как это совершенно

иная среда, называемая блогосферой. Это миллионная аудитория сейчас в стране!

Алексей Макаркин, заместитель генерального директора Центра политических технологий (текст прислан по электронной почте):

— Поделюсь некоторыми мыслями в отношении трансформации языка гражданского общества, вплоть до его профанации. Речь идет о стремлении националистов к адаптации к условиям современного общества, попыткам — не слишком удачным — говорить на его языке.

Можно привести массу примеров. Например, известная деятельность правозащитников, вызывающая неприязнь, а то и ненависть у националистов. Однако если раньше они просто выступали с нападениями на активистов гражданского общества, то теперь они создают альтернативную правозащиту. Активно используется риторика, связанная с защитой прав человека, понимаемых прямо противоположно содержанию международных документов и российской Конституции. Скажем, преобразованная ныне в общественное движение партия «Народный союз» (лидер — Сергей Бабурин) в своем программном документе записала: «Одним из важнейших прав человека мы считаем право жить в соответствии с вековой национальной и религиозной традицией своего народа... А это значит, что в России под лозунгами защиты “свободы совести” и “светскости государства” недопустимо разрушение исторической преемственности русской национальной и религиозной традиции».

Националист Александр Севастьянов заявляет: «Несомненно, придя к власти, мы предложим народу принять законы, которые отделят по принципу полноправия-неполноправия корен-

ные народы от некоренных. Это касается в первую очередь права избирать и быть избранным, но не только». Но, кроме этого, он прагматично рассуждает о правах человека, об использовании этого принципа в интересах националистов, причем крайнего толка. Цитирую: «Доктрина прав человека — это не только важнейшее завоевание гуманистического движения, но и сильный политический инструмент. Вопрос, следовательно, лишь в том, в чьих руках этот инструмент находится. Долгие годы наши противники гвоздили нашу страну, наши власти концепцией прав человека (т.н. гуманитарная интервенция), как дубиной. И права человека оказывались на поверку то исключительно правами еврея, то правами чеченца... Сегодня мы сами берем эту дубину (пока еще недостаточно решительно!) в свои руки и ставим вопрос, к примеру, о правах человека в Латвии и Эстонии, или о нарушении прав человека религиозными иудейскими инстанциями в России». Интересно, что если изъять из этой фразы упоминания о евреях, чеченцах и «религиозных иудейских инстанциях», то она вполне могла бы принадлежать более уважаемому политику.

В 2003 году некая группа людей решила созвать «Чрезвычайный Учредительный съезд по самоопределению Государствообразующего Русского народа и других коренных народов, не имеющих государственных образований за пределами России» (это длинное название было призвано исключить из списка евреев, что уже в полной мере свидетельствует о характере форума). Было выпущено специальное «инструктивное письмо» для участников мероприятия, в частности, говорилось: «Претенденты на участие в работе Учредительного Собра-

ния обязаны представить в мандатную комиссию Русской Национальной Правозащитной Секции Международного Общества Прав Человека анкету и список не менее 10 поручителей из числа русских людей, не запятнавших себя антирусскими проявлениями в общественной и личной жизни». На первый взгляд, сюрреализм — очевидные ксенофобы называют себя секцией МОПЧ. В реальности — все та же мимикрия.

Есть другие примеры. Например, один интернет-публицист, националист и сталинист, негативно отзывается о современном кинематографе, который, по его мнению, недостаточно патриотичен, хотя и пользуется поддержкой государства. Далее идут размышления о том, куда можно направить эти деньги — на военную авиацию, подводные лодки и др. При этом автор выступает в качестве гражданина и налогоплательщика, который хочет влиять на решение вопроса, куда идут его налоги (почему его не спросили, когда финансировали фильмы, а не бомбардировщики?). Опять-таки интересно — антилиберальный сущностный подход при квазилиберальной словесной мотивировке.

Примечательно, однако, что националисты апеллируют именно к принципам из либерального понятийного ряда, хотя при этом не могут удержаться от своих любимых ксенофобских сюжетов. А это косвенно доказывает, что темы прав человека и смежные с ней не являются столь дискредитированными и маргинальными, не свойственными российской традиции, как об это говорят официальные публицисты. Если некоторые ценности являются непопулярными, то идеологические противники не стремятся использовать их для мимикрии.

Андрей Юров:

— Разговор о гражданском русском языке идет в разных средах лет 20–30, и в этом смысле мы можем мало на что претендовать. Но изначально запрос на него возник из сугубо прагматических соображений, на которых я хочу остановиться.

Я работаю с людьми, которые тоже занимаются гражданским просвещением, правозащитным образованием и т.д. С чем мы столкнулись? В разных аудиториях — студенческих, преподавательских, журналистских, обсуждая в том числе драматические сюжеты, связанные с национализмом и фашизмом, люди постоянно задают вопрос: а есть ли какой-нибудь словарь, чтобы мы могли к нему обратиться? Посоветуйте. И я пытался его найти, но обнаружил, что его нет. Одна из лучших, на мой взгляд, книг о современной публичной политике, это изданный как раз Московской школой в переводе с французского «Новый общественно-политический словарь». Но когда я его читал, невольно подумал: интересно, а хоть один школьный учитель в состоянии его прочесть, ему это нужно? И тогда я и мои друзья стали искать в Интернете, что же есть? Обнаружили, что, например, в Википедии гражданское общество представлено не просто слабо, а, я бы сказал, безобразно, потому что там все решает активное большинство. Дальше мы обнаружили, что есть все же один словарь о гражданском обществе, составленный в середине 90-х госпожой Слободской. Не могу сказать, что он вредный. Я бы сказал так, в современных условиях бесполезный, учитывая, что сегодня возник реальный спрос в русскоязычном пространстве, а не только в России, на книжки про публичную политику и гражданское общество, а их фактически нет. В зале наверняка есть люди достаточно опытные в блогосфе-

ре, и они должны знать соотношение сайтов фашистских и антифашистских в Рунете. Знаете, какое? Сто к одному! То есть если человек захочет прочитать, скажем, про толерантность, то он с вероятностью сто к одному наткнется на фашистское определение. И либо в этой ситуации ничего не делать, либо мы сможем, как сказал Эмиль, что-то этому противопоставить.

Для меня создание Гражданской энциклопедии важно не только потому, что она о понятиях, с помощью которых может описываться гражданское общество. Вопрос не в том, сколько будет понятий или статей. А в том, сможем ли мы — я имею в виду гражданских активистов и экспертное сообщество — договориться и начать диалог. В этом смысле для меня лично Гражданская энциклопедия это не просто Энциклопедия гражданской жизни, а сама гражданская жизнь и гражданские практики.

Повторю еще раз, Гражданская энциклопедия — это не только слова и тексты, а прежде всего люди, готовые общаться и находить общий язык, даже если будет несколько его версий. Это тоже конвенция.

Александр Даниэль, член правления правозащитного общества «Мемориал» (текст прислан по электронной почте): — 1. Как мне представляется, люди, связанные с гражданской, культурной, социальной, политической активностью, делятся на несколько категорий:

а) те, которые не могут говорить о своей деятельности иначе, чем на каком-нибудь, пользуясь выражением Герцена, «птичьим языке». Причем таких языков несколько: некий более-менее общий «птичий язык» для гражданских активистов независимо от профиля их деятельности, а кроме

Жозель Шапиро. Без названия. 2001

того, «экологический», «правозащитный», «гендерный» и т.п. диалекты;
 б) те, которые сознательно уходят от специальной терминологии. Это бывает по разным причинам: желание или необходимость (например, в просветительстве) ориентироваться на внешнюю аудиторию, ощущение неточности, неоднозначности, спорности терминов;
 в) те, которые мучительно ищут сопряжения между специальной терминологией (собственно, не терминологией

даже, а понятийной сеткой, накладываемой, по Сепиру-Уорфу, профессиональным языком на реальность) и общеупотребительной лексикой, общей понятийной системой. Эта категория людей понимает прелесть игры в дефиниции, да и практическую важность этой игры для осмысления и структурирования реальности, но понимает и принципиальную недостаточность «птичьих языков» для решения этих задач — не говоря уже о задаче «размыкания» субкультур.

Мне кажется, что Энциклопедия более всего будет востребована третьей и отчасти второй группами активистов. А также — будем надеяться — читателями из числа «широкой публики», которым вдруг захочется понять, о чем эти авгуры между собой разговаривают, на какой такой «фене ботают». Не знаю, насколько эта надежда основательна, но снимать эту просветительскую задачу с повестки тоже не следовало бы.

2. В принципе, Гражданская энциклопедия ничем не отличается по своему смыслу от любого словаря профессиональной терминологии («Поэтического словаря» Квятковского, философского, химических терминов, бизнеса и т.д.). Дело осложняется следующими обстоятельствами: а) низкий уровень согласия в употреблении терминов; б) высокий уровень пересечения с общей лексикой (не по доле «общеупотребительных» слов, а по их иерархической значимости в нашей Энциклопедии: «свобода», «власть», «бедность», «диктатура», «нация», «диссидент» и т.п.);

3. Энциклопедия может принести реальную пользу (а не только интеллектуальное удовольствие ее составителям, что, впрочем, тоже немало, с моей точки зрения, и такая игра стоит свеч) только в том случае, если она сумеет стать не одной из версий толкования, а признанным *эталон* — хотя бы для «внутреннего употребления», подобно тому, как Энциклопедия французских просветителей стала общепризнанной версией изложения классического либерализма — по крайней мере, в его, либерализма, собственном кругу. Иначе может получиться, как с помянутым выше «Поэтическим словарем» Квятковского: изящнейшее сооружение, но использовать этот словарь можно только в рамках конструктивистско-опоязовского понимания литературы, более того, только в рамках тактометриче-

ской теории стиха, никем, кажется, кроме самого Квятковского, не разделяемой. Иной вариант бытования продукта — совсем, на мой взгляд, нежелательный: *частичное* принятие предлагаемых конвенций по определению и использованию данной терминологии, причем каждый читатель сам решает, какие конвенции он принимает, а какие нет. См., например, изданный в 1989 году совместный русско-французский том «50/50. Опыт словаря нового мышления»; получился никакой не словарь, а всего лишь неплохой, по тем временам, сборник коротких эссе. Но если такой сборник использовать в качестве энциклопедии, он будет лишь способствовать вавилонскому смешению языков.

4. Мне кажется, что единственный способ преодолеть эту опасность — это адаптировать ее внутри самой Энциклопедии. А именно стараться давать понятиям не только (а может, даже не столько) традиционные определения типа «веревка — вервие простое», сколько представлять читателю практику их применения — *контекстуальное употребление* терминов в разные эпохи, в разных культурных, национальных и т.п. традициях. Приведу в качестве примера термин «геноцид». Можно, конечно, взять и выдать его строгую юридическую дефиницию, сформулированную в Конвенции ООН 1948 года и привести общепризнанные примеры: армянский геноцид 1915-го, еврейский холокост, резню в Руанде и т.п.; наверное, даже в данном случае нужно это сделать. Но я бы добавил сюда и упоминание о трактовке украинцами голода 1932–1933-го как «геноцида украинского народа», и о трактовке многими литовцами социально-политических депортаций 1941 и 1948–1949 годов как «геноцида литовского народа» и даже (предлагаю в порядке бреда) — о трак-

товке публицистами газеты «Завтра» экономических реформ 1990-х как «геноцида русского народа». Может быть, даже снабжать подобные статьи чем-то вроде мини-цитатника, иллюстрирующего историю и текущую практику применения данного термина.

5. Не последним для нашей Энциклопедии оказывается и вопрос о различных коннотациях и вытекающих отсюда эмоциональных окрасках того или иного слова в разных «естественных» языках: см., например, известное исследование

Анны Вежбицкой, сопоставляющее семантические поля слов «liberty» и «freedom» в английском языке, «wolność» и «swoboda» в польском, «свобода» и «воля» в русском; оказывается, они не очень соответствуют друг другу (а аналогичное слово в японском, по ее утверждению, имеет исключительно отрицательные коннотации). Этот пример, может быть, слишком отвлеченный, но любой правозащитник, занимающийся просветительской работой или просто пытающийся ответить на вопрос, что такое правозащитная деятельность, расскажет вам, сколько путаницы возникает в головах из-за того, что «право» и «права человека» по-русски вроде как одного корня; в англоязычном мире ничего подобного нет — там никто не перепутает law и human rights, а нелепый на русский слух оборот, все больше входящий в правозащитную лекику — «право прав человека», по-английски звучит вполне пристойно — «human rights law».

6. Для возникновения устойчивых коннотаций и оценочного отношения существен не только языковой, но и культурно-исторический контекст бытования термина. Например, слово

«национализм» в советской традиции, унаследованной современной российской практикой, тащит за собой отчетливо отрицательные ассоциации и эмоции. Это касается не только России, но и всего постсоветского пространства: самый несомненный и

Андрей Юров: возник реальный спрос в русскоязычном пространстве, а не только в России, на книжки про публичную политику и гражданское общество, а их фактически нет

самый крутой эстонский националист раньше застрелится, чем назовет себя националистом — в его сознании это бранное слово. А в западноевропейской политической культуре эти ассоциации отсутствуют (во всяком случае, их не было до Второй мировой войны, но и сегодня в Европе слово «национализм» звучит более нейтрально, чем на постсоветском пространстве). А в африканской политической традиции быть «националистом» вообще почетно; в половине стран Черной Африки правящие партии гордо именуют себя националистическими (не «национальными», а именно националистическими).

Мне кажется, что «контекстуальная» подача термина — более эффективный мостик от «птичьего языка» к общепотребительному и, стало быть, к «разгерметизации» гражданских субкультур, чем опора исключительно на «правильные», «признанные» (западными учебниками), «юридически точные» дефиниции. Конечно, важно и их тоже вводить и сохранять определенную дистанцию между тем и другим; иначе у нас получатся мостики из ниоткуда в никуда.

Максим Сучков:

— Некоторым диссонансом будет мое выступление, так как я не из интеллектуальной среды, а из бизнеса. Сначала отвечу на вопрос, почему я здесь. Причина простая. Я считаю, что проект, который мы сейчас обсуждаем, будет иметь успех, потому что не занята ниша. Если вы пришли первым — это закон бизнеса — вас ждет успех. Затем, название «Гражданская энциклопедия». Краткость — сестра таланта, замечательно. Я уверен, что на нее будет спрос.

Дальше. Кто и где эти люди — трансляторы демократических ценностей? Это та реальность, которую не увидишь, если не захочешь. Но когда появится Энциклопедия, мы их увидим. Многие говорили, что это преподаватели, студенты, даже дети. Хотя это, конечно, перебор. Простите, первая аудитория — это власть! Она будет читать Энциклопедию. Сначала, конечно, она к ней отнесется подозрительно или не заметит, но постепенно, может быть, лет через пять, поймет ее важность. Ну и бизнес, соответственно, его мыслящие круги.

Игорь Князев, директор по развитию Московской школы политических исследований:

— Буду краток и хочу поддержать выступление Эмиля Паина. Мне кажется, он очень четко сказал и об инициаторах, заказчиках проекта, и о том, какая у него аудитория. Единственное, что я бы добавил, чтобы наша дискуссия не зависла на уровне Москвы. Здесь есть представители разных регионов. Завтра мы полетим в Астрахань. На будущий год у нас запланировано еще 6–7 региональных семинаров, где этот разговор можно будет продолжить, в том числе и с участием представителей власти. Думаю, это будет полезно, так как людей это интересует.

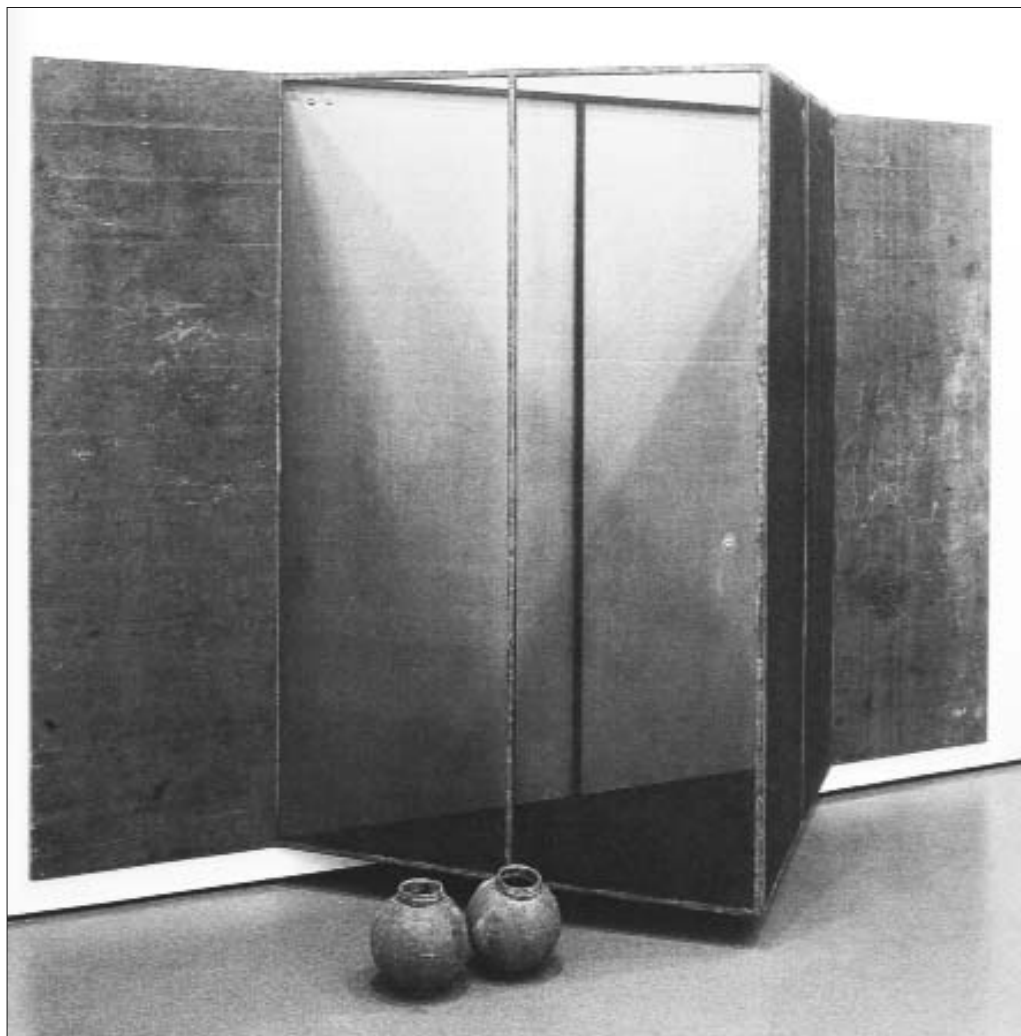
Никита Соколов, редактор журнала «Вокруг света»:

— Задача перед нами стоит чисто редакторская. Сегодня мы обнаружили очень сложные задачи, которые этой редакторской команде предстоит решить. И я готов даже сейчас предложить конструкцию статьи, которая, возможно, удовлетворила бы собравшихся.

Отдельный разговор о том, словарь это или энциклопедия? Если словарь, то он неизбежно нормативен. А мы претендуем, чего уж тут лукавить, на то, чтобы установить свою норму словоупотребления. Поэтому давайте мы эту норму обоснуем: сначала идет короткое нормативное определение, а дальше — почему мы эту норму устанавливаем. И статья такого типа, конечно, не может быть написана одним автором. Здесь понадобится лингвистический анализ, а в некоторых случаях наверняка и анализ исторический. Потому что иногда можно чисто лингвистическими средствами показать, что такая-то трактовка термина не правомочна, логически ошибочна и противоречит структуре языка. А иногда придется указывать, что мы от нее отказываемся, ссылаясь на исторический опыт, когда общество загоняет себя в тупик, ставит перед собой ложные цели и формирует ложную картину мира, как в случае с идеологемой особого пути.

Дальше о списке понятий. Работа над словником это уже не дело коллективного собрания. Для этого должна быть рабочая группа. И в этом случае, я думаю, мы можем договориться о некоторых принципах, которые завещаем рабочей группе при работе над словником.

В частности, я бы предложил обсудить такую ситуацию. Мы можем уклониться в одну из крайностей, которые я

Мирослав Балка. Инсталляция "Низ". 1995

предпочел бы совместить. Мы можем попытаться описать реальность существующего общества в России, используя для этого разные понятия. А можем предложить некую мыслимую конструкцию совершенного гражданского общества, даже если его никогда не существовало.

Как историку мне легко это объяснить, ссылаясь на конкретные примеры. Скажем, в некоторых странах, в отличие от англосаксонских, не употребляется понятие «professional». Значит должен появиться и этот термин. И в

этой же связи. Сейчас многочисленные манипуляторы пытаются оправдывать коррупцию. Должны ли мы включать в список понятий такие слова, как «блат», «откат» и т.д., или нет?

Дмитрий Грушевский, директор Нижне-волжского бюро ИД «Коммерсантъ» (Волгоград):

— Хочу поддержать мысль о «совершенном гражданском обществе» таким примером. Находясь в Германии и общаясь с немцами, я как-то задал им вопрос: почему после Второй

мировой войны у вас появилась такая живая, динамичная демократия? Они говорят: приехали американцы и помогли нам совершить транзит. И когда помогали, не стремились перенести американский опыт к нам, а предложили идеальную модель демократии. Этот «навязанный» идеализм, по их словам, и создал современную Германию. Поэтому я поддерживаю идею о том, что в процессе работы над Энциклопедией нам тоже неплохо бы ориентироваться концептуально и терминологически на некую идеальную модель.

Вячеслав Бахмин, консультант Фонда Ч.С. Момта:

— Я приблизительно этого и ожидал от нашей дискуссии. Последние выступления побудили и меня выступить, потому что речь наконец-то пошла о том, чего у нас нет. На мой взгляд, в проекте не хватает пока главного. А именно — ясно сформулированной цели, которую тоже надо обсуждать, не забывая одновременно о ресурсах и о том, есть ли кто-то еще на этом поле, кто делает то же самое, иначе вас не поддержит ни один донор. Не говоря уже о том, что присутствие в этом зале еще не означает, что Энциклопедия появится, хотя бы потому, что далеко не все будут для нее писать. Это очень тяжелая и трудная задача. Помимо своей основной деятельности еще писать куда-то с непонятной целью, если она не будет обозначена.

И потом, мне кажется, нужно понять, это словарь или энциклопедия? Словарь может быть действительно нормативным. Скажем, либеральный словарь гражданского общества. А если это энциклопедия, то она тоже может быть либо авторской, либо неавторской, что сделать гораздо сложнее. И о дескриптивности и прескриптивности.

Коллеги, если говорить о прескриптивности, то у нас она уже была. Весь ресурс тоталитарного общества был нацелен на эту прескриптивность. Мы не сможем сделать прескриптивную энциклопедию, потому что у нас нет этого ресурса. У нас есть единственный ресурс — авторитет авторов. Только это может привлечь внимание к Энциклопедии.

И два слова о целевой аудитории. Школьные учителя, как и преподаватели высших учебных заведений, — аудитория довольно консервативная. Она далека от тех идей, которые нас интересуют. Я совершенно не уверен, что это наша аудитория. Скорее это аудитория «до востребования», о которой упоминал Александр Согомонов. Поэтому язык Энциклопедии должен быть максимально понятным.

Алексей Юсупов, научный сотрудник Гельдербергского университета (текст прислан по электронной почте):

— Проект чрезвычайно интересный. Сам фокус борьбы с бессистемностью и неконкретностью политического русского языка мне кажется очень правильным. Напоминает комментарий — к сожалению, автора забыл — о российской политической культуре. По его мнению, не до конца осмысленные нарезки чужих, американских, французских, древнеримских, немецких политических терминов существенно осложняют формирование гармоничной и цельной сферы политической семантики. Мне очень нравится целеполагание проекта. Но не могу освободиться от некоторых сомнений, касательно широты целевой группы. Все-таки, балансируя между двумя условными группами адресатов и, возможно, авторов — сообщества профессиональных теоретиков-ученых, гражданских активистов, не так просто

нащупать устойчивое равновесие. Должен признать, что я, возможно, переоцениваю проблему. Все-таки привык в университете к абстрактному теоретическому характеру справочников и словарей по политологии. У немцев есть похожая платформа — http://www.bpb.de/wissen/H75VXG,0,0,Begriffe_nachschlagen.html — продукт Федерального центра политобразования; по сути, это просто электронный поисковик по нескольким полностью оцифрованным словарям и лексиконам с разными упорами.

С одной стороны, он представляет информацию о понятиях повседневного обихода: эмигрант, лоббист и т.д. На уровне восприятия старшего школьника, то есть вполне пригодные для любого неспециалиста формулировки без детскости. С другой стороны, это вполне серьезный справочник с краткими сводками по философским истокам, современным политическим движениям, юридическим аспектам политической и гражданской деятельности, понятиям, часто используемым, но не проясненным: радикализм, субкультура, автономия и т.д. Сравнение с Гражданской энциклопедией, конечно, ограниченное, но комбинация функций похожая.

Считал бы необходимыми следующие компоненты:

- 1) Максимально простое, внятное, четкое определение для нетеоретика.
- 2) Адекватное отображение глубины понятия, происхождение и развитие проблематики, дискурсивная спорность, неоднозначность. Я пока не пришел к выводу, есть ли здесь приоритетность и взаимоисключаемость, но интуитивно мне кажется, что нужно помогать практикам гражданского общества видеть системность их деятельности, культивируя ясность политического языка. Кроме того, Энцикло-

педия все-таки *гражданская*, а не *политическая*, но это видно и по подборке понятий.

Алексей Шмелев:

— Я думаю, что дискуссия очень хорошо иллюстрирует мой тезис: люди говорят на разных языках. И из-за этого происходит порой непонимание и возникает несколько утопичное представление о том, что у всех собравшихся одинаковое понимание употребления слов, как и о том, каким должно быть гражданское общество. Хотя довольно легко можно увидеть различия, но я на этом останавливаться не буду, а сосредоточусь кратко на совсем техническом аспекте.

Я лично не понимаю разницы между энциклопедией и словарем. В моем понимании энциклопедия — это частный случай словаря. Энциклопедии, как правило, всегда более прескриптивны, чем словари. Дескриптивность или прескриптивность — это установка авторов, не связанная с их авторитетом или, тем более, со способностью как-либо воздействовать на аудиторию. Либо автор говорит и пишет, как надо, и тогда это будет прескриптивное издание, либо — как то или иное понятие употребляется, и тогда дескриптивное.

Во время выступлений, например, употреблялись слова, которые, разумеется, я понимал, но одновременно сознавал, что я их употребляю по-другому. Скажем, слово «порядок» — в моем восприятии оно близко к свободе. Я понимаю, что это некоторое преувеличение, но порядок, как известно, это то, что в русском восприятии всегда не хватало русским, начиная с Гостомысла. Нет порядка — это общее самоощущение русских, вот где-то, в других странах, порядок есть, а у нас его нет. Конечно, слова

употребляются по-разному. Вопрос, насколько широко следует охватывать это разнообразие. Я не буду сейчас проводить эксперимент, хотя готов, впрочем, но предварительно побившись об заклад, что легко найду слова в предложенном списке, которые присутствующие понимают и употребляют по-разному.

Борис Дубин:

— Тоже несколько слов в заключение. Первое, насчет целевой аудитории и места в ней преподавателей. Притом что в целом я готов с этим согласиться, но все же напомню, что наиболее массовой опорой нацизма в Германии были именно преподаватели. Конечно, систему образования, учитывающая межпоколенческий разрыв, который произошел в 90-е годы, нельзя исключать, но рассчитывать только на преподавательский состав, боюсь, не приходится.

Теперь про то, что действительно может войти в Энциклопедию. Я думаю, что предложенный список стоило бы серьезно сократить, ограничившись более крупными, структурообразующими понятиями. В конце концов, что это может быть? Это могут быть статьи об институтах гражданского общества, соответствующих ценностях, нормах. Поэтому, думаю, стоит на них сосредоточиться, доведя список до полусотни понятий, при описании которых должен быть и сравнительный, и исторический, и полемический ракурсы. Плюс — библиографические источники там, где это возможно. А дальше, естественно, нужна редколлегия, и нужно заниматься поиском авторов. Причем я согласен, что авторы есть не только в Москве, но и в Перми, Екатеринбурге, Томске, Нижнем Новгороде и т.д., которые могут поддержать наш проект и писать грамотные статьи.

Гасан Гусейнов:

— Очень хорошо, мне кажется, что прозвучала практическая нота. Поскольку есть понятия, употребляющиеся в значении, совершенно недопустимом в гражданском обществе. Например, когда люди употребляют часто слово «власть» и не задумываются о том, что власть это только полномочия, которыми ее наделяют граждане в соответствии с конституцией. Или упоминавшееся слово «оппозиция». Это те, кто не власть? Практическое, историческое значение слова «оппозиция» — это люди готовые придти во власть и профессионально выполнять властные функции. Это институт оппозиции, а не просто оппозиционные настроения или критика власти.

Основной механизм получения качественного текста — здесь я тоже готов возразить — это не априорная авторитетность лиц, которые занимают какое-то положение или пользуются авторитетом в своем узком кругу. Главное, это анонимное рецензирование конкурсных статей, которое прояснит, будут ли их читать, то есть будет проект в целом пользоваться спросом или нет.

Я думаю, не нужно преувеличивать значение Интернета, потому что важно не количество блогов, а важно, сколько людей заходит на сайты. Можно сделать прекрасный сайт, но у него будет 10 читателей. Они будут очень живо что-то обсуждать, давать контент, но этот контент будет известен только им. Блогосфера заражает общество аутизмом. И эта аутичность погруженного в сеть человека, на мой взгляд, и объясняет, почему блогосфера, в которой в западном мире в основном пребывают подростки, у нас наполнена людьми зрелого возраста, которые решают или пытаются решать свои жизненные проблемы. Вопрос не в том, что альтернати-

вой книги может стать Интернет и поэтому надо идти в Интернет. Вопрос в исчезновении книги. Такая угроза есть, поэтому я поддерживаю предложение Бориса максимально сократить словник. По крайней мере, на пилотной фазе. 50–60 терминов — прекрасный вариант. Конкурсные анонимные статьи, рецензенты, квалифицированная редакция и корректура.

Александр Согомонов:

— Самое опасное, мне кажется, среагировать на запрос, который можно выразить словами: скажите нам, что такое хорошо и что такое плохо? Второе. Кант в своей известной статье о просвещении задает вопрос: живем ли мы в просвещенный век? И отвечает, нет, мы живем в век Просвещения. У нас серьезный оппонент, и миссией Гражданской энциклопедии должна быть, я считаю, миссия оппонирования. Наш потребитель — человек с проснувшимся гражданским интересом, и нужно этот интерес постараться превратить в зрелое гражданское сознание.

Борис сказал, что надо сократить словник. Я согласен. Но в какой логике? Что является критерием? На мой взгляд, у читателя должна оставаться возможность выбора. Поэтому если будет, скажем, статья о толерантности, то должна быть и статья о нетерпимости, поскольку нашей целью является все-таки плюрализм. Оппонирующий характер Энциклопедии и может быть ответом на вопрос о ее целевой установке. Но главное, конечно, чтобы в статьях не было менторства.

Юрий Сенокосов:

— Остановлюсь на двух терминах, важных, с моей точки зрения, для понима-

ния смысла и содержания нашего проекта в целом: просвещение и гражданское общество.

Нодар Хананашвили сказал, что в России Просвещение было, но не было отрефлектировано. Я думаю, ответ на вопрос, было ли оно у нас, дал

Юрий Сенокосов: Гражданская энциклопедия должна быть предназначена прежде всего для человека с пробудившимся гражданским пафосом

еще Чаадаев, когда написал свое первое философическое письмо и тем самым поставил диагноз: в России Просвещение не состоялось. И фактически в силу этого вместо политических партий в стране появились славянофилы и западники.

Почему я упомянул о политических партиях? Потому что и славянофилы и западники отказались от политики в ее европейском гражданском понимании, хотя и были критиками самодержавия. Славянофилы решили, что политикой они заниматься не будут, предпочитая выражать общественное мнение, причем сугубо консервативного характера. А западники, заразившись идеями радикализма, предпочли политике подготовку революции. То есть, другими словами, одни были последовательными государственниками, готовыми своим уходом от политики оправдывать существующий порядок, а другие — столь же последовательными противниками государства. И только в начале XX века в России появились политические партии и началась реформа политической системы. А чем все это кончилось, хорошо известно. Отнюдь не реализацией идеи эпохи Просвещения о разделении властей и разумном устрой-

стве государства, не говоря уже о гражданском обществе, первый трактат о котором тоже появился, как мы узнали от Александра Согомонова, в эпоху Просвещения.

Никита Соколов произнес понравившуюся мне философскую фразу о «мыслимой конструкции совершенного гражданского общества». Обычно в этой связи говорят о модели «идеального государства» и ссылаются на Платона, полагая, что это он был не только первым автором утопии идеального государства, но и родоначальником тоталитаризма. Об этом, как известно, писал Карл Поппер в своей книге «Открытое общество и его враги». Но так ли это? И какое отношение имеет в таком случае платоновское идеальное государство к гражданскому обществу и к нашей Энциклопедии? На мой взгляд, имеет. Во-первых, Платон пытался в своих сочинениях «Государство» и «Законы» изобразить не земной порядок, а *идею* социального порядка, которая неизменна по своему определению, но при этом задает горизонт понимания несовершенного порядка с позиций справедливости. Во-вторых, цитирую отрывок из «Законов»: «Есть два вида государственного устройства: один, где над всем стоят правители, другой — где и правителям предписаны законы». А законы, как известно, могут нарушаться — Платон это знал — в том числе и правителем. И в-третьих, поскольку государство «создает наши потребности», пишет Платон в «Государстве», значит, оно не может создаваться иначе, как во имя целого, которое и есть справедливость, когда «человек должен заниматься чем-то одним из того, что нужно в государстве, и притом как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего способен, и не вмешиваться в чужие дела».

Было ли такое государство в истории? Разумеется, не было. Но вот что самое интересное в рассуждениях персонажей Платона, когда они выясняют, «допускать ли нам трагедию в наше государство или нет?» (цитата из «Государства»). Ответ, если внимательно читать его диалоги, очевиден: нет, не будем допускать, потому что идеальное государство есть единственная и подлинная трагедия, а не только то, что разыгрывается на сцене театра для зрителя, который, как бы мы сказали сегодня, культурно проводит время в театре как потребитель.

То есть, будучи философом, Платон полагал, что его идеальное государство это такое государство, в котором граждане являются не просто зрителями, но участниками реальной трагедии. И, следовательно, то, что может случиться в идеальном государстве, «то искомое состояние, соразмерное идеалам человека, может случиться только героически» (Мераб Мамардашвили). Или, иначе говоря, в состоянии гражданского пафоса, когда идеальное понимается как некая цель, хотя и не достижимая на практике, но служащая своеобразным эталоном, к которому мы как граждане должны стремиться и по которому можно сверять цену достигнутого. Именно это имели в виду авторы и инициаторы проекта Гражданской энциклопедии, считая, что она должна быть предназначена прежде всего для человека с пробудившимся гражданским пафосом.

В заключение хочу искренне поблагодарить от имени Школы заместителя директора Института русского языка Виктора Марковича Живова за гостеприимство, а наших докладчиков и всех присутствующих за то, что они нашли время для участия в обсуждении концепции проекта. Я считаю, что мы проделали очень важную и нужную работу.